

ТЕОРИЯ ОБЩНОСТИ Г. Е. ЗБОРОВСКОГО КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Булах¹, Н. Б. Костина²

¹ Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

² Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. По мнению российских социологов, за последние годы отечественную социологию стали относить к числу наук, переживающих кризис своего развития. Об этом свидетельствует усиливающаяся в обществе критика социологической науки. В самой социологической науке заметно падает интерес к теоретическим исследованиям, даже, казалось бы, в тех направлениях, которые способны раскрыть прикладной характер социологии. Одним из таких направлений являются исследования местного самоуправления. В границах муниципалитета функционирует сложная социальная система. Отдельные элементы этой системы являются потенциальными участниками местного самоуправления, но пока они не выявлены и не описаны, а их управленческий ресурс не задействован.

Материалы и методы. В основе аналитических выводов лежит обзор теоретического материала о природе социальной общности. Обобщение и оценка мирового научного опыта и опыта Большого социологического Урала, ярким представителем которого является Г. Е. Зборовский, позволяют внести предложения по расширению предметной части социологической теории общностей за счет обоснования новой категории «местная общность». Общностный подход и теория общностей предполагают применение следующих методов исследования: сравнение и сопоставление, структурно-функциональный, институциональный, системный анализ, др. методы.

Результаты. Методологическая база, основанная на теоретических взглядах Большого социологического Урала, дает возможность раскрыть общностнообразующие свойства и дополнить данный перечень теми, что характерны для малых территориальных общностей, функционирующих в границах муниципалитета. Подобные общности можно определить как «местные общности», а на основе анализа их деятельности в организационной форме осуществления местного самоуправления сравнить с общиной. Сопоставление категорий «местная общность» и «община» позволило выявить их схожесть, особенно в тех случаях, когда речь идет о местной общности, участники которой принимают организационно-правовую форму территориального общественного самоуправления. В свою очередь, подобная идентичность раскрывает перспективы поиска ответов на вопросы в междисциплинарных исследованиях сферы местного самоуправления.

Обоснование и выводы. Отсутствие четкого теоретического видения муниципальной социальной единицы, формирующей все муниципальное сообщество, не позволяет разработать и предложить набор прикладного инструментария для повышения эффективности местного самоуправления. Понятие «местная общность» заполнит пробел в представлении о муниципальной социальной структуре. Представленные теоретические дополнения к теории общностей позволяют взглянуть на теории местного самоуправления с учетом современного описания общины. Учет всех элементов системы местного самоуправления, включая самоорганизующиеся в территориальное общественное самоуправление, местные общности, дает возможность адекватно прогнозировать динамику развития муниципальных процессов.

© Е. В. Булах, Н. Б. Костина, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Большой социологический Урал, Г. Е. Зборовский, предметное поле социологии, теория общностей, социальная единица, социальная общность, община, муниципалитет, местное самоуправление, местная общность.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Булах Е. В., Костина Н. Б. Теория общности Г. Е. Зборовского как методологическое основание исследования социальной единицы местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. 2024. № 4. С. 68–80. DOI 10.22394/2304-3385-2024-4-68-80. EDN CWNYNF.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Булах Евгений Васильевич – кандидат политических наук; Уральский государственный экономический университет (620114, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45) – *доцент кафедры государственного и муниципального управления*; bulakhev@mail.ru, SPIN 7351-7969, ORCID 0000-0002-9618-7804.

Костина Наталия Борисовна – доктор социологических наук; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620062, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19) – *профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления*; kostinanb30@gmail.com, SPIN 8328-9080.

Статья поступила: 25.12.2024; рецензия получена: 02.01.2025; принята к публикации: 10.01.2025

GENERALITY THEORY BY G. E. ZBOROVSKY AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR STUDYING THE SOCIAL UNIT OF LOCAL GOVERNMENT

E. V. Bulakh¹, N. B. Kostina²

¹ Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

² Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

ABSTRACT

Introduction. According to the Russian sociologists, in recent years, domestic sociology has become one of the sciences experiencing a crisis in its development. This is evidenced by the growing criticism of sociological science in society. In sociological science itself, interest in theoretical research is declining even it would seem, in those directions that are capable of revealing the applied nature of sociology. One of the areas is the study of local self-government. A complex social system operates within the boundaries of the municipality. Individual elements of this system are potential participants in local self-government, but so far they have not been identified and described, and their management resources have not been used.

Materials and methods. The analytical conclusions are based on the review of theoretical material about the nature of social community. Generalization and assessment of the world scientific experience and the experience of the Greater sociological Urals, of which G. E. Zborovsky is deservedly a prominent representative, allows us to make proposals for expanding the subject part of the sociological theory of communities by substantiating the new category “local community.” The general approach and the theory of generalities involve the use of the following research methods: comparison and contrast, structural-functional, institutional, system analysis, and other methods.

Results. The methodological basis, formed on the theoretical views of the Greater sociological Urals group, makes it possible to reveal community-forming properties and supplement this list with those that are characteristic of small territorial communities operating within the boundaries of the municipality. Such communities can be defined as “local communities”, and based on an analysis of their activities in the organizational form of local self-government; they can be compared with a community. A comparison of the categories “local community” and “community” made

it possible to identify their similarities, especially in cases where we are talking about self-organized participants in the local community in the form of territorial public self-government. In turn, such an identity reveals prospects for finding answers to questions in interdisciplinary research in the field of local self-government.

Rationale and conclusions. The lack of a clear theoretical vision of the municipal social unit that forms the entire municipal community does not allow us to develop and offer a set of applied tools to improve the efficiency of local self-government. “Local community” will fill the gap in the idea of municipal social structure. The presented theoretical additions to the theory of communities allow us to look at the theories of local self-government taking into account the modern description of the community. Taking into account all elements of the local self-government system makes it possible to objectively predict the dynamics of the development of municipal processes with the participation of established local communities.

KEYWORDS

Great sociological Urals, subject field of sociology, theory of communities, social unit, social community, community, municipality, local government, local community.

FOR CITATION

Bulakh E. V., Kostina N. B. The theory of generality G. E. Zborovsky as a methodological basis for studying the social unit of local self-government // Municipality: Economics and Management. 2024, (4), 68–80. <https://doi.org/10.22394/2304-3385-2024-4-68-80>. <https://elibrary.ru/cwnynf>.

AUTHORS' INFORMATION

Evgeniy V. Bulakh – Candidate of political sciences; Ural State Economic University (620114, Yekaterinburg, 8 March/Narodnaya Volya St., 62/45) – Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration; bulakhev@gmail.ru, author SPIN 7351-7969, ORCID 0000-0002-9618-7804.

Natalia B. Kostina – Doctor of Sociological Sciences; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (620062, Russia, Ekaterinburg, Mira St., 19) – Professor of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration; kostinanb30@gmail.com, SPIN 8328-9080.

The article was submitted 25.12.2024; reviewed 02.01.2025; accepted for publication 10.01.2025

Введение

Актуальность представленного социологического исследования определена возможностью расширить предметную часть теории общностей путем методологического обоснования новой дефиниции – «местная общность». С практической точки зрения можно предположить, что именно ее не хватает для современного понимания феномена местного самоуправления. Возможность сопоставить самоуправляемую социальную единицу, жизнедеятельность которой осуществляется на части территории муниципалитета, и общину раскрывает перспективы для широкого спектра междисциплинарных исследований в сфере местного самоуправления. Все базовые теории местного самоуправления строятся на признании общины единственным коллективным социальным субъектом местного самоуправления, но сегодня термин «община» устарел. В мировой практике организации местного самоуправления категория «община» применяется крайне редко. В российской системе права

«общину» мы не найдем, следовательно, возникает вопрос о том, что сегодня можно рассматривать как местную социальную единицу при исследовании местного самоуправления в рамках существующих теорий. Интерес к изучению муниципальных социальных общностей обусловлен тем, что их деятельность представляет собой конкретный срез условий и качества социальных отношений, определенных единой локацией нахождения по месту проживания на части территории муниципалитета, а также государственными гарантиями на осуществление гражданами местного самоуправления. Местные общности требуют изучения, выделения их свойств и последующего формирования понятийного аппарата, что представляется необходимым условием для дальнейшего научного обоснования новых практических методик местного самоуправления.

Целью статьи является расширение понятийного аппарата теории общностей и теорий местного самоуправления путем обоснования категории «местная общность». Теории общностей характерен свой

понятийный аппарат, отмечает Г. Е. Зборовский, следовательно, при выявлении новых субъектов общественных отношений данное исследование необходимо подкрепить соответствующими дефинициями. Необходимо следовать принципу «нет ничего более практичного, чем хорошая теория <...> мы определяем нашу задачу как аналитическое превращение социологии в предмет социологического исследования» [1, с. 123]. В ряде теоретических исследований Г. Е. Зборовского и В. А. Ядова социальная общность рассматривается как предмет социологии или даже как ядро ее предметного поля. Теория общностей может стать методологической основой для раскрытия территориальных элементов всей муниципальной системы, их структурной взаимосвязи, процессов внутреннего характера и взаимодействия с внешней средой. Отсюда следует необходимость рассмотрения внутренних проблем социологической науки как связанных с понятийной недостаточностью в ее исследованиях [2, с. 161].

Для выявления местных общностей, представляющих собой совокупность элементов всего муниципального сообщества, необходимо учитывать существующие точки зрения и позиции исследователей как в зарубежной, так и в отечественной науке. Консолидированное мнение позволило Г. Е. Зборовскому выделить ряд подходов, способствующих пониманию общности как таковой, так и территориальной в частности. «Мы бы выделили следующие: 1) микро/макросоциологический; 2) системный; 3) пространственный; 4) структурный; 5) психологический; 6) поведенческий; 7) коммуникативный; 8) деятельностный», утверждает отечественный ученый [4, с. 72]. Большинство из указанных подходов будут использованы в данном исследовании, целью которого является идентификация социальной группы жителей на части территории муниципалитета, при этом общностный подход принят за основу анализа свойств местных общностей. Общностный подход и теория общностей предполагают применение следующих методов исследования: сравнение и сопоставление, структурно-функциональный, институциональный, системный анализ, др. методы.

Материалы и методы

Социологическое представление об общности строится на утверждении, что это не целое общество как таковое, а прежде всего единица социального измерения общества, его своеобразный «социальный ген» [3, с. 37]. Необходимость в разграничении ключевых понятий социологии определяется историческим следствием формирования

научного знания. В основу исследовательской проблемы заложены идеи социологической концепции Ф. Тённиса. На страницах главного своего труда «Общность и общество» он указывает на основное различие между обществом и общностью: «общность есть устойчивая и подлинная совместная жизнь, общество же – лишь преходящая и иллюзорная. И поэтому сама общность должна пониматься как живой организм, а общество – как механический агрегат и артефакт» [4, с. 11–12]. Понятие «социальная общность» охватывает обширный спектр социальных образований, участники которых постоянно находятся в непосредственном взаимодействии, основанном на единстве условий жизнедеятельности и общих интересов. «Это и есть социум в наиболее точном значении данного термина. Социальные общности – это живые образования социума» [5, с. 77].

В связи с этим вопрос об основах появления социальной общности предполагает очевидный ответ: прежде всего это объективная основа. Именно такой позиции придерживается Ю. Е. Волков, отмечая, что общности складываются под воздействием объективного хода общественного развития [6, с. 338]. Множество факторов влияют на данный процесс, из которых можно выделить климатические и географические, этнические, демографические, экономические и, конечно, политические, что в совокупности обуславливает многообразие общностей. Утверждение об объективности основ, возможно, спорное, очень сложно отказаться от соблазна и не признать влияние субъективного фактора на возникновение общности. Социальные общности могут быть активны или долгое время находиться в латентном состоянии, но вся деятельность человечества представлена результатами этих состояний и, конечно же, predetermined обстоятельствами. Понять социальную природу индивида можно только через социальную общность, которую он представляет.

В традициях материалистической интерпретации диалектики Гегеля, Г. Е. Зборовский утверждает, что, исследуя социальные процессы, говорить о том, что они происходят в обществе – значит не сказать ничего. «Обыденный ответ – в обществе, не дает сколь малого понимания реальных проблем, в решение которых вовлечены индивиды <...> Чтобы осмыслить ответ на поставленный вопрос, нужно спуститься с абстрактных высот общественного бытия к реальности более конкретной, чем общество вообще» [7, с. 4]. Обусловленные динамикой развития общественных отношений во всех

сферах социально-экономической деятельности, процессы форматирования общностей определяют реальность бытия. Ярким тому примером является возрастающий интерес к виртуальным общностям, возникновение которых обусловлено современной технической трансформацией информационно-коммуникационной среды и программным инструментарием ее цифровизации. Появляются профессии и новые хобби, все это тоже факторы, влияющие на создание новой социальной реальности. Одним из критериев отделения новой социальной реальности от старой является временной [8, с. 12]. Хотя, по факту, все новые общности – это преобразившиеся в условиях нового времени и условий, хорошо известные и давно сложившиеся общности. Комьюнити общности, профессиональные и досуговые, все они стары как мир, и конечно, лидирующими в данном перечне являются территориальные общности, формирование которых является результатом проживания и жизнедеятельности на единой территории.

Социальные общности представляют весь спектр жизнедеятельности во всех ее многообразных организационных проявлениях. Люди в групповом формате взаимодействуют в быту, профессиональной сфере, учебе, досуге и т. д. Большой социологический Урал (БСУ) единодушен во мнении [9, с. 100] о природе социальной общности – это «один из основных типов социальной системы, выступающей в качестве реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой и самостоятельной совокупности (взаимосвязи) людей» [10, с. 11]. Системный взгляд и акцент на фиксируемые элементы общности дополняют западное видение, представленное через анализ единства функциональных связей. Можно отчасти согласиться с мнением западных коллег о неважности эмпирической фиксации в случаях с территориальными общностями. В условиях единой локации само нахождение на территории учитывается как факт реального присутствия. Сложившаяся практика использования земельных участков предполагает факт наличия правообладателя, границ и цели применения, поэтому Б. Мерсер в работе «Американская общность» в большей степени делает акцент на качестве связи в социальной группе во времени. Он отметил, что «человеческая общность – это внутренне функционально связанное объединение людей, живущих на определенной географической территории в определенное время <...> и проявляющих чувство своего единства в составе отдельной группы» [11, с. 27]. Нужно отметить

зарождение на западе ресурсного взгляда на общности, пусть он ограничен только ресурсом территории, но заслуживает внимания. Т. Парсонс считал, что «общность – это объединение действующих лиц, обладающих определенным территориальным пространством как основой для осуществления большей части их повседневной деятельности» [12, с. 91]. Подобное представление было расширено Г. Е. Зборовским до пространственного. «Наличие многообразных социальных потребностей» и необходимого объема ресурсов для их удовлетворения являются причиной такой обширной сегментации социального пространства в целом и муниципального в частности. По его мнению, в городе как социальной системе взаимодействия социальных субъектов организованы в различных областях деятельности, соответственно, структура социального пространства города будет складываться из элементов (подпространств), которые представляют собой сферы социальных взаимодействий [13, с. 80–81].

Данные выводы подтверждают перспективность анализа на предмет выявления малых территориальных общностей, которые могут формировать подпространственный сегмент всего муниципального пространства. По факту анализа можно выделить более ста определений социальной общности. Дж. Хиллери утверждал, что термин имеет многозначный характер, но чаще всего авторы выделяют три основные характеристики:

- 1) территорию;
- 2) социальное взаимодействие;
- 3) наличие прочных связей между индивидами [14, с. 111–119].

В зарубежной социологии можно отметить попытки определить социальную общность на основе иных признаков. Одной из них является предложение польского социолога Я. Щепаньского. «Мы вводим понятие – «социальная общность» – как термин с широким объемом, охватывающим все объединения людей, в которых создана и сохраняется, хотя бы в течение очень короткого периода, определенная социальная связь» [15, с. 117]. В данном случае мы наблюдаем не только акцент на обширность интегрирующих признаков, но и традиционный взгляд на важность продолжительности времени сохранения связей между участниками общности.

Большой социологический Урал ориентируется на методологические подходы в исследованиях социальной общности, заложенные В. А. Ядовым. По его мнению, социальная общность является

«взаимосвязью человеческих индивидов, которая обусловлена общностью их интересов благодаря сходству условий бытия и деятельности людей, составляющих данную общность, их материальной, производственной и иной деятельности, близости их взглядов, верований, их субъективных представлений о целях и средствах деятельности» [16, с. 17–18]. Подобный взгляд позволяет определить территориальную общность как реально существующую, эмпирически фиксируемую, относительно единую и самостоятельную совокупность и взаимосвязь людей, интегрирующим фактором которых, помимо социокультурного, экономического является единая локация проживания [17, с. 155]. В. А. Ядов и Г. Е. Зборовский возвращают актуальность единой локации и расширяют представление об общности за счет учета ментально-целевой близости. Между тем, Ядов предупреждал, что рассматривать социальную общность только через непосредственную взаимосвязь индивидов означает сузить диапазон исследования. Можно наблюдать большое количество массовых социальных общностей, в которых не предполагается наличие реальных отношений между участниками. Тем не менее, мы получили подтверждение о наличии такого свойства, как «близость связей», что позволяет применить его при классификации территориальных общностей на большие, средние и малые, в которых данное свойство может проявляться в разных объемах. С увеличением количества участников связи в общности нивелируются, сохраняя лишь групповое единство, дополняет Зборовский мысль о близости как важнейшем факторе связей. Близость связей способствует в определении принадлежности к той или иной общности, что является основным фактором идентификации [7, с. 7]. Иногда достаточным может являться личное признание в принадлежности к профессиональной, спортивной или религиозной общности, но безусловное внесение в число участников той или иной общности может осуществляться по итогу мнения иных участников (научные, творческие, клубные и др. общности), что невозможно вне факта близости связей.

Развивая максимально обширное представление об общности В. А. Ядова, Г. Е. Зборовский обосновал, что осуществлять оценку общности можно через анализ реализации функции на основе обладания и использования различных ресурсов [18, с. 110]. Именно ресурсный подход в исследовании общностей позволил описать новый тип общности – «виртуальная общность», а также подтвердить актуальность средового анализа, который

в условиях единого информационного пространства позволяет не акцентировать внимание на территориально-пространственной принадлежности. Единство ресурсов уже предполагает единство пространства и совершенно не обязательно, чтобы оно формировалось в территориальных границах, это может быть информационное пространство с единым доступом к интернет-ресурсу или профессиональное, где основным ресурсом выступают опыт и знания в определенной сфере деятельности. В рамках заявленной проблематики уместно отметить мнение Э. Гидденса, рассматривавшего ресурсы как «средства и способы, посредством которых в процессе производства и воспроизводства социальных практик включаются отношения преобразования» [19, с. 60]. Отечественными социологами содержание понятия «ресурсы» часто определяется контекстуально – в привязке к конкретному носителю (индивиду, группе, организации, обществу), а не только к проблемам, которые он должен решить [20, с. 884]. Подобный подход можно считать приемлемым при выявлении новых субъектов общественного взаимодействия, следовательно, для достижения поставленной цели данного исследования.

Результаты

Анализ основных научных взглядов на социальные общности, включая территориальные, позволяет выделить ряд их основных свойств:

- 1) эмпирически фиксируемая реальность;
- 2) территориально-пространственная принадлежность участников;
- 3) количественная и качественная взаимосвязь;
- 4) устойчивость связей во времени;
- 5) средовое единство деятельности;
- 6) единство функциональных задач и общедоступных ресурсов.

Указанные признаки можно оценить как общностнообразующие. Анализ их наличия и степени проявления позволяет предлагать различные типологии общности. Безусловно, общество конкретизировано в семьях, трудовых и учебных коллективах, родственных, товарищеских и дружеских структурах, спортивных, художественных и иных объединениях, но также оно конкретизировано в тех, кто представляет «точки роста» поселений и городов [21, с. 46], то есть некие организованные группы жителей муниципалитетов. Сравнительный анализ количественных характеристик заявленных социальных групп (семьи, трудовые и учебные коллективы и т. д.) с теми, что свойственны жителям муниципалитетов, позволяет предположить,

что все сообщество населенного пункта можно представить в виде совокупности социальных групп жителей. Подобные группы являются результатом соседствующего взаимодействия граждан на части территории муниципалитета. Если данные группы возможно соотнести с общностями, то методологическое обоснование их наличия соответствует теории общностей.

Принимая социальную общность «социальным геном» общества, ее своеобразной единицей, можно предположить наличие «социального гена» в структуре муниципального сообщества. Данное предположение позволяет рассчитывать на выявление «социального гена местного самоуправления». Это может быть группа соседствующих жителей, способных к самоорганизации. Жизнедеятельность самоорганизованной на части территории муниципалитета группы жителей нацелена на решение вопросов местного значения. Данное участие в местном самоуправлении оговорено в главе 5 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Законом предусмотрены не только внесенные непосредственные формы, но и иные, не противоречащие Конституции Российской Федерации, настоящему Федеральному закону¹. Неизвестными остаются свойства и характеристики социальных групп, обладающих этим правом и способных являться не только объектом, но и обладать качествами субъекта муниципального управления. «Мы признаем, что путь к пониманию социального управления, его сущности, качества, эффективности, лежит именно через понимание специфики объекта управления» [21, с. 44].

Выделить малые самоуправляемые общности из всего муниципального сообщества – это действительно исследовательская проблема. В научной традиции сложилось правило воспринимать общину как основную самоуправляемую социальную единицу. Н. И. Лазаревский писал, что «община действительно исторически была старше государства. Опираясь на этот исторический факт, можно было говорить об общине как естественном, в силу вещей необходимом союзе, который создан не государством и который поэтому является для государства неприкосновенным» [22, с. 7]. Дело в том, что община своими характеристиками полностью соответствует общности, а если конкретнее – малой территориальной общности. Данные выводы основаны на представлениях об общине российских ученых.

Л. Б. Алаева считает, что община – объективно существующий во все времена социальный элемент, ее возникновение определено нуждами жителей некой территории. Объединение в общины всегда подчинено общим интересам. Считать, что община «сохраняется» исключительно по традиции – это пережиток, считает исследователь. Общину можно противопоставить не растущей атомарности общества, а принципиально новым типам объединений, одними из которых являются те, что функционируют в муниципалитетах [23, с. 72]. В. А. Попов отмечает в Большой Российской энциклопедии, что община – это самоуправляющийся производственный и одновременно социально-бытовой коллектив надсемейного уровня, основанный на совместном (коллективном) владении (и/или распоряжении) средствами производства, коллективистских принципах солидарности и взаимопомощи [24, с. 580]. Действительно, община имеет признаки общности, состоящей из соседствующих участников, объединенных комплексом коммунально-бытовых проблем на территории проживания и особым публично-правовым режимом их решения. Именно наличие регламента социального взаимодействия в общине позволяет обеспечивать общественный порядок и безопасность на территории проживания. Данное обстоятельство позволяет на полном основании соотносить как идентичные категории «община» и «общность». В общности люди имеют возможность выстраивать доверительные отношения и рассчитывать на взаимную доброжелательность благодаря сложившимся нормам взаимодействия. Доверие друг к другу и понимание формируют ощущение безопасности и благоприятствуют устойчивости связям. Все это гарантируют социальные правила и нормы, но эти же нормы содержат ограничения, как считает З. Бауман: «за привилегию быть в общности» нужно платить, жертвуя подчас свободой и индивидуальностью [25, с. 4]. Сохранение привилегии быть частью общины сопоставимо с сохранением условий для жизни.

Сегодня повестка на сохранение условий для выживания трансформировалась в вопросы повышения комфорта и улучшения условий проживания, именно они стали приоритетными для общины, она превратилась в соседскую общину. Подобные социальные объединения во множестве представлены в границах жилых микрорайонов муниципальных пространств, но сам термин «община» потерял свою популярность. В современных

¹ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/186367/> (дата обращения: 03.10.2024).

исследованиях и практике самоуправления данную категорию найти сложно. Община давно растворилась в динамике процессов урбанизации населения и техногенного совершенства городской инфраструктуры. Правовые системы государств, за редким исключением, не признают ее реальное присутствие и правосубъектность во властных отношениях. Самое время заменить его аналогом – «местная общность», что в дальнейшем позволит выделить «местную самоуправляющую общность» (МСО). Это то, чего сегодня не хватает в полном наборе основных элементов российской системы местного самоуправления. Политический аспект неслучаен. Община принята за протогосударственную формацию, функционирует в режиме самоуправления при решении вопросов своей жизнедеятельности. Правила общинного самоуправления стали основой демократических принципов управления в государстве. С. А. Авакьян отмечал, что вся концепция местного самоуправления в условиях демократической реалии должна строиться на следующем постулате: федеральная государственная власть Российской Федерации, государственная власть субъектов и местное самоуправление есть лишь разные организационные формы самоуправления народа². Развивая данную мысль, соотнесем ее с конституционной нормой о многообразии организационных форм осуществления населением местного самоуправления³. Многообразие форм предполагает организационную вариативность у групп жителей. Сравнивая характеристики социальных групп, принимающих различные конституционные формы осуществления местного самоуправления, можно выявить те, что по своим признакам соответствуют общностям и в тоже время схожи с общиной. Если о протогосударственной природе общины мы уже говорили, то необходимо отметить, что возможные формы организации жителей являются признанными формами осуществления власти населением на местном уровне. Общие объединяющие свойства групп жителей с общиной должны носить не только властно-политический характер. Группы жителей должны быть устойчивы во времени и проявлять должную частоту взаимодействия. К примеру, очень сложно провести аналогию между общиной и разовым объединением жителей с целью проведения

публичных слушаний или поддержки инициативного проекта.

Рассмотрим устойчивые и наиболее актуальные для российской практики местного самоуправления организационные формы участия населения в решении вопросов местного значения: избирательный округ и территориальное общественное самоуправление (ТОС). Формы представлены в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴. Все заселенные территории Российской Федерации разбиты на избирательные округа, то есть они повсеместны, а число ТОС превышает 38 тысяч⁵, что свидетельствует о факте самоорганизации почти трети населения Российской Федерации. Популярность формы ТОС весьма высока, очевидны тенденции на полное покрытие территории большинства муниципалитетов.

Анализ свойств групп жителей в указанных организационных формах позволяет утверждать, что они являются общностями. Особенно явно общностные характеристики проявляются у жителей, объединенных в границах избирательного округа или ТОС. Выделим основные общностнообразующие свойства у групп жителей, объединенных в избирательные округа и ТОС:

- очевидным образом присутствует эмпирическая фиксация самого процесса организации, принятия актов по установлению границ и определения числа участников (жителей и избирателей), обладающих правом на самоуправление;
- ярко выраженный аспект единой территориальной принадлежности определен принципом социально-политического управления: «один житель – один голос» и «один вопрос – одна процедура голосования» [26, с. 192];
- единство цели и задач определяет перечень вопросов местного значения, коллективное решение которых актуально для жителей территорий в границах проживания;
- качество и частота взаимодействия групп жителей позволяет разделить их на реальные и номинальные общности. ТОС относится к первой группе. Как и во всех реальных общностях, взаимодействия в них конструируются в качестве реальности самими людьми [27, с. 18]. Традиционно

² Конституция России: природа, эволюция, современность. – URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/modern/1776651/chapter/89300effb84a59912210b23abe10a68f/> (дата обращения: 15.10.2024).

³ Конституция Российской Федерации, глава 8, статья 130, пункт 2. – URL: <https://constitution.garant.ru/> (дата обращения: 03.10.2024).

⁴ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/186367/> (дата обращения: 03.10.2024).

⁵ О территориальном общественном самоуправлении. Общероссийская ассамблея ТОС. – URL: <https://oatos.ru/o-nas/chto-takoe-tos?ysclid=m00w66zg71336003336> (дата обращения: 19.10.2024).

к номинальным социальным группам относят демографические, гендерные и религиозные [28, с. 279], к ним можно отнести и общности в границах избирательных округов, так как нахождение в них не является жизненно важным обстоятельством и не требует обязательного взаимодействия с иными участниками;

– временные характеристики объединений жителей в ТОС или избирательном округе свидетельствуют о долгосрочном характере взаимодействия. Границы округа формируются минимум на весь период созыва местного представительного органа власти (4–5 лет), а границы ТОС устанавливаются бессрочно;

– функционирование ТОС и избирательных округов в границах муниципалитета определяет единство среды участников данных общностей. В данном контексте избирательный округ пояснений особых не требует, а форма ТОС предполагает самоорганизацию жителей дома, улицы, микрорайона или иной части территории муниципалитета, включая малые населенные пункты, не являющиеся муниципалитетами (входят в некий муниципалитет);

– процесс местного самоуправления во всех формах подкреплен государственными ресурсами и конституционными гарантиями (единым правовым ресурсом).

Основание

Принимая во внимание определение Л. Шноре и отождествляя с местной территориальной общностью людей, которые имеют общее постоянное место жительства, выделим взаимную зависимость друг от друга в повседневной жизнедеятельности [29, с. 165]. На основании анализа взаимной зависимости можно отметить, что жители в границах избирательного округа в меньшей степени проявляют данное свойство. Округ не является самоорганизацией, участники голосования формируются административным актом – не на добровольных началах, но по принципу единства места проживания. Это то, что ставит под сомнение возможность отождествлять избирательный округ с общиной. В дальнейшем внимание будет нацелено прежде всего на анализ ТОС. Самоорганизация жителей в ТОС – результат активности граждан. Оптимальное число участников определено жизненной ситуацией и не имеет ограничений. Принятие числа участников ТОС осуществляется населением самостоятельно, тогда как избирательные округа формируются пропорционально числу жителей муниципалитета. Демонстрируя коллективную рацио-

нальность при определении числа участников, жители на практике подтверждают позицию Г. Е. Зборовского о том, что количественный аспект влияет на качество взаимодействия общности внутри: «чем крупнее по численному составу становится социальная общность, тем слабее оказываются внутренние связи между ними и менее заметными – некоторые признаки (в частности, пространственно-временного плана), которыми данная общность характеризуется. И наоборот» [7, с. 4]. Соседствующая часть жителей муниципалитета по определению не может быть более, чем обеспечивающая сохранность устойчивых соседских связей. Сбравшиеся в форме ТОС соседи – это всегда реальная общность, основанная на фактическом взаимодействии в процессе жизнедеятельности ее участников. Общий двор, детские спортивные площадки, места парковки и выгула домашних питомцев и многое другое способствует реальному взаимодействию общности. Общие потребности и интересы, которые можно измерить общими социальными нормами, общими ценностями, взаимной идентификацией, сходной мотивацией, символами; стилем жизни и др. [30, с. 254], добавляют О. И. Шкаратан и Н. В. Сергеев. Взаимозависимость участников малой территориальной общности кардинально отличает ее от общности иного типа. Заменить или исключить участника территориальной общности из взаимодействия без его воли невозможно, а значит, безальтернативным является факт эмпирической фиксации не только его присутствия, но и результата его личного вклада в достижение коллективной цели. Иными словами, участие подавляющего большинства жителей обеспечивает развитие территории проживания, следовательно, достойные комфортные условия для всех, неучастие каждого пропорционально снижает вероятность достижения приемлемых для жителей результатов в решении вопросов местного значения.

Попытаемся выделить дополнительные свойства малых территориальных общностей, делая акцент на тех, что проявляются в условиях участия общности в местном самоуправлении.

Неизбежность взаимодействия и взаимозависимость участников особенно ярко проявляется в общностях, осуществляющих местное самоуправление во всех предусмотренных формах. К примеру, в профессиональной организации все иначе, процесс лишен индивидуальности, есть профессиональные требования, и для ротации кадров этого достаточно, для замещения должности нужно

им соответствовать. В общности жителей это сделать невозможно. Состав жителей – это некая социальная константа, что, в свою очередь, определяет степень коллективной ответственности за происходящее в границах проживания.

Бессрочный характер взаимосвязи участников общности. На основании ситуационно-временных факторов социальные общности разделяют на устойчивые, долговременные и ситуативные (краткосрочные) [31, с. 38]. Взаимосвязь жителей округа в дни голосования на выборах или по вопросам референдума проявляется редко. Но существование ситуативных (краткосрочных) общностей гарантировано демократическими принципами, значит, они устойчивы. Еще реже данные процессы инициированы самими жителями (отзыв депутата и довыборы), они ситуативные. Совсем иное дело в общностях, участники которых представлены в организационной форме ТОС. Данное отличие обусловлено тем, что органы государственной власти и местного самоуправления обязаны обеспечить участие жителей в решении наиболее важных задач (формирование органов представительной власти или решение вопроса референдума), а вот организация массового плебисцита по решению текущих задач на части территории муниципалитета не является функциональной задачей органов власти. Включение в процесс решения повседневной коммунально-бытовой проблематики – это всегда проявление собственных инициатив жителей, что явно сближает общность в форме ТОС с общиной.

Частота взаимодействия, именно она подтверждает степень внутренней связи между участниками. Редкая частота голосования на выборах или референдуме нами уже отмечена, а число актов коллективного решения вопросов местного значения неограниченно – это всегда инициатива самих жителей, как некая реакция на существующую проблему в решении актуального вопроса местного значения. По факту, встречи жителей в формате ТОС на собраниях или конференциях проходят не менее одного раза в месяц, а могут быть и чаще. Регламент в данном случае неприемлем, частоту определяет потребность в решении актуализированного вопроса местного значения. Частота взаимодействий жителей, организованных в форме ТОС, может быть внесена которых определена не только единством территории в основу формулы местных общностей, интегративность

проживания, а в большей степени социально значимым функционалом.

Институциональный характер в политической системе муниципалитета. Общности приобретают его в случаях проявления коллективной инициативы на участие в местном самоуправлении на условиях коллективного единодушия и ответственности за результат. Даг Киркпатрик отмечал, что самоуправление основывается на двух основных принципах. Во-первых, единодушие, как отсутствие необходимости в применении силы, и во-вторых, осознанная ответственность участников⁶.

Властный характер отношений, что проявляется прежде всего в решении территориального вопроса, решение которого является результатом единодушия – это волеизъявление жителей. Территория – это всегда результат силового взаимодействия власти, так считал Клаудио Раффестин [32, с. 52]. Территориально-пространственный подход в исследованиях самоуправления позволяет отметить бесконфликтность процесса установления и изменения границ. Взаимодействуя, жители могут изменять число участников и границы территории местной общности. Границы могут уменьшаться или прирастать до разумных пределов, пока взаимосвязь участников будет обеспечивать эффективное решение вопроса местного значения.

Результат сравнения свойств социальных общностей, объединенных задачами местного значения и целью осуществлять местное самоуправление, позволяет взять за основу определение социальной общности, предлагаемое Г. Е. Зборовским – это взаимосвязь индивидов, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относительным единством, сходством их целей, задач, интересов на основе общих условий бытия и деятельности. Социолог особо выделяет несколько признаков понятия социальной общности, одним из которых является взаимосвязь ее членов, а также – общность целей, задач, интересов, условий их жизни и деятельности [5, с. 74]. Обобщенные представителем Большого социологического Урала основные свойства общности, характерны для общностей, возникающих в условиях единства проживания на части территории муниципалитета. Формируя сегменты муниципального пространства, данные общности проявляют свои уникальные свойства, характерные только для данного вида общностей, что позволяет выделить их в отдельную группу и дать им уникальное определение.

⁶ Даг Киркпатрик. За пределами власти время самоуправляемых организаций. Бизнес со смыслом. – URL: https://www.xn--90aifdrfbekc3aabb3m.xn-p1ai/articles/dag-kirkpatrick-za-predelami-vlasti-vremya-samoupravlyayemykh-organizatsiy/.prev_text (дата обращения: 19.10.2024).

Выводы

Авторский взгляд, основанный на результатах анализа категорий «общность», «непосредственная форма осуществления местного самоуправления», «община», позволяет предложить следующую дефиницию. *Местная общность – это формирующая местное социальное пространство часть населения муниципалитета, бессрочно объединённая территорией своего непосредственного проживания, единством вопросов местного значения и правовым регламентом их решения, что подкреплено муниципальными ресурсами на условиях коллективной ответственности.*

Представленное определение учитывает ранее выделенные общностнообразующие свойства, а также выявленные авторами.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что теоретико-методологические основы исследования социальных общностей позволили расширить теоретическое представление о существующей на территории муниципалитетов некой совокупности общностей, представленной группами соседствующих жителей. Не все группы можно назвать общностями [31, с. 31], но то, что объединение жителей является общностью, мы попытались обосновать. Кроме того, местная общность как часть жителей муниципалитета является потенциальным участником местного самоуправления. Инициативная и активно функционирующая местная общность проявляет свойства общины и способна замещать ее в тех системах местного самоуправления, где правосубъектность общины упрощена. К примеру, в российской системе местного самоуправления местная общность имеет возможность участвовать в местном самоуправлении в организационной форме ТОС. Если брать во внимание определение муниципалитета как площадки, в границах которой осуществляется местное

самоуправление, то это значит, что прикладной характер исследования обеспечивает для местной общности роль социальной единицы муниципалитета. Технологии управления в демократических государствах основаны на признании необходимости учета общественного и индивидуального мнений. Теория социальной общности Г. Е. Зборовского, акцентируя внимание на коллективном характере деятельности, сохраняет идею важности личности как уникального субъекта взаимодействия. Теоретическое представление о местной общности в своей основе проявляет очевидную преемственность. Любой участник местного самоуправления, представляющий местную общность, воспринимается как некая данность, его индивидуальные потребности заложены в содержание муниципального управленческого решения.

Данные теоретические взгляды не противоречат правовым основам местного самоуправления в России, но практический акцент на социальную единицу – это то, чего так не хватает местному самоуправлению в Российской Федерации на протяжении всего периода становления. На фоне поиска решения вопроса о повышении эффективности управления на местах создается впечатление, что наступает время атомизации общества. Вместо того чтобы создавать условия для политического созревания местных общностей, муниципалитеты укрупняются, все более превращаясь в административные единицы, теряющие самоуправляемость. «Очевидно потому, что у нас в России нет общественной жизни». Унаследованные от прошлого социальные группы (сословия, общины, земства и проч.) прекратили свое существование в советский период, «а новым группам не дали по-настоящему сложиться, потому что боялись малейшей индивидуальной инициативы» [23, с. 73].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- [1] Зборовский Г. Е. Социология в регионе как предмет научного исследования / Г. Е. Зборовский // Социологический журнал. 2022. Т. 28, № 1. С. 121–142. DOI 10.19181/socjour.2022.28.1.8841. EDN QXKWNG.
- [2] Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. О чем говорили социологи на XXIII Уральских социологических чтениях // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 161–162. DOI 10.31857/S013216250025456-4. EDN AZWNGQ.
- [3] Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Социология. М.: Интерпракс, 1995. 316 с.
- [4] Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002. 451 с.
- [5] Зборовский Г. Е. Общностный подход как методология социологического исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 1 (41). С. 71–79. EDN VYURNJ.
- [6] Волков Ю. Е. Общность социальная // Российская социологическая энциклопедия. М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. 672 с.
- [7] Зборовский Г. Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. 2010. № 4 (312). С. 3–12. EDN LTWZVB.
- [8] Зборовский Г. Е. О понятии и феномене новой социальной реальности // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 9–19. DOI 10.26105/SSPU.2022.80.5.002. EDN ARULSI.
- [9] Зборовский Г. Е. Социологическая теория в Уральском регионе: история и современность // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 100–110. DOI 10.31857/S0132162524010095. EDN VNDGLI.
- [10] Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А., Амбарова П. А. [и др.] Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности. Екатеринбург: Федеральное государственное

- автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина», 2014. 200 с. ISBN 978-5-7996-1338-9. EDN TVBSMX.
- [11] Mercer B. *The American Community*. N. Y., 1957. 304 p.
- [12] Parsons T. *Social System*. Glencoe, 1951. 575 p.
- [13] Зборовский Г. Е. *Пространство и время как формы социального бытия*. Свердловск, 1974. 223 с.
- [14] Hillery J. H. *Definitions of Community: Areas of Agreement // Rural Sociology*. 1955. Vol. 20. pp. 111–123.
- [15] Щепанский Я. *Элементарные понятия социологии*. М.: Прогресс, 1969. 250 с.
- [16] Ядов В. А. *Социологическое исследование: методология, программа, методы*. – Самара: Самарский университет, 1995. 328 с. ISBN 5-230-06020-4.
- [17] Зборовский Г. Е. Есть ли у социальной общности биография? // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2024. Т. 30, № 2. С. 151–163. DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.035. EDN EGHOMR.
- [18] Зборовский Г. Е. *Теория социальной общности: монография*. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2009. 300 с. ISBN 5-7741-0119-1. EDN QQKBWV.
- [19] Гидденс Э. *Устроение общества: очерк теории структуризации*. М., 2005.
- [20] Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Ресурсность научно-педагогического сообщества: административный и мобилизационный подходы к анализу // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2022. Т. 22, № 4. С. 881–894. DOI 10.22363/2313-2272-2022-22-4-881-894. EDN PGOKYR.
- [21] Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Управление временем социальных общностей: стратегия и методы исследования // *Вестник ВЭГУ*. 2015. № 6 (80). С. 43–56. EDN VDGGCV.
- [22] Лазаревский Н. И. *Самоуправление. Мелкая земельная единица: сб. ст.* СПб., 1903.
- [23] Алаев Л. Б. А была ли община? // *Религия и общество на Востоке*. 2019. № 3. С. 70–84. EDN VRKWII.
- [24] Попов В.А. *Община // Большая Российская энциклопедия (Далее – БРЭ)*. М., 2013. Т. 23.
- [25] Vauman Z. *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. Cambridge: Polity Press, 2001. 168 p.
- [26] Булах Е. В. Территориальное общественное самоуправление: опыт регионов // *Социально-политические науки*. 2024. Т. 14, № 2. С. 191–197. DOI 10.33693/2223-0092-2024-14-2-191-197. EDN HPPBRO.
- [27] Зборовский Г. Е. Человек и повседневные практики в системе его образа жизни // *Педагогический журнал Башкортостана*. 2007. № 3 (10). С. 16–28. EDN KUFIXD.
- [28] Корякин В. В. О двух типах социальной общности // *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*. 2020. № 1 (4). С. 278–288. EDN QWJUNM.
- [29] *Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова*. М.: Изд-во МГУ, 1994. 496 с.
- [30] Шкаратан О. И., Сергеев Н. В. Реальные группы в социальной структуре современной России // *Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность: материалы VII Международного симпозиума, Москва, 17–18 января 2000 года*. Москва: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2000. С. 253–265. EDN JCVJVA.
- [31] Костина Н. Б. *Теория социальной общности: традиции и новации // Вестник ВЭГУ*. 2009. № 4 (42). С. 30–39. EDN KVGPON.
- [32] Raffestin C. *Por uma Geografia do Poder*, Editora Ática S.A., São Paulo, 1993, Serie Temas, Vol. 29 Geografia e Política, 269 p.

REFERENCES

- [1] Zborovsky, G. E. (2022) Sociology in the region as a subject of scientific research. *Sociological Journal*, 28 (1), pp. 121–142. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8841>. <https://elibrary.ru/qxkwng>.
- [2] Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A. (2023) What sociologists talked about at the XXIII Ural Sociological Readings. *Sociological Research*, (4), pp. 161–162. <https://doi.org/10.31857/S013216250025456-4>. <https://elibrary.ru/azwngq>.
- [3] Zborovsky G. E., Orlov, G. P. (1995) *Sociology*. Moscow, Interprax, 316 p.
- [4] Tennis, F. (2002) *Community and society. Basic concepts of pure sociology*. St. Petersburg, Vladimir Dal Publishing House, 451 p.
- [5] Zborovsky, G. E. (2016) Community approach as a methodology for sociological research. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, 1 (41). pp. 71–79. <https://elibrary.ru/vyurnj>.
- [6] Volkov, Yu. E. (1998) Social community. *Russian sociological encyclopedia*. Moscow, Publ. group «NORMA-INFRA», 672 p.
- [7] Zborovsky, G. E. (2010) Theoretical foundations for the study of social community. *Sociological studies*, 4 (312), pp. 3–12. <https://elibrary.ru/ltwzvb>.
- [8] Zborovsky, G. E. (2022) On the concept and phenomenon of new social reality. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 5(80). pp. 9–19. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.80.5.002>. <https://elibrary.ru/arulsi>.
- [9] Zborovsky, G. E. (2024) Sociological theory in the Ural region: history and modernity. *Sociological studies*, (2), pp. 100–110. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010095>. <https://elibrary.ru/vndgli>.
- [10] Zborovsky, G. E., Shuklina, E. A., Ambarova, P. A. [et.c.] (2014) Management of behavior strategies of urban communities: problems and opportunities. Ekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 200 p. ISBN 978-5-7996-1338-9. <https://elibrary.ru/tvbsmx>.
- [11] Mercer, B. (1957) *The American Community*. N.Y., 304 p.
- [12] Parsons, T. (1951) *Social System*. Glencoe, 575 p.
- [13] Zborovsky, G. E. (1974) Space and time as forms of social existence. Sverdlovsk, 223 p.
- [14] Hillery, J. H. (1955) *Definitions of Community: Areas of Agreement // Rural Sociology*, (20), pp. 111–123.
- [15] Shchepansky, J. (1969) *Elementary concepts of sociology*. Moscow, Progress, 250 p.
- [16] Yadov, V. A. (1995) *Sociological research: methodology, program, methods*. Samara, Samara University, 328 p. ISBN 5-230-06020-4.
- [17] Zborovsky, G. E. (2024) Does a social community have a biography? *News of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture*. 30 (2), pp. 151–163. <https://doi.org/10.15826/izv1.2024.30.2.035>. <https://elibrary.ru/eghomr>.
- [18] Zborovsky, G. E. (2009) *Theory of social community*. Ekaterinburg, Humanitarian University, 300 p. ISBN 5-7741-0119-1. <https://elibrary.ru/qokbww>.
- [19] Giddens, E. (2005) *The Structure of Society: An Essay on the Theory of Structuration*. Moscow.
- [20] Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A. (2022) Resource capacity of the scientific and pedagogical community: administrative and mobilization approaches to analysis. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Sociology*, 22 (4), pp. 881–894. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-881-894>. <https://elibrary.ru/pgokyr>.
- [21] Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A. (2015) Time management of social communities: strategy and research methods. *Vestnik VEGU*, 6(80). pp. 43–56. <https://elibrary.ru/vdggcv>.

- [22] Lazarevsky, N. I. (1903) Self-government. Small land unit: coll. Art. St. Petersburg.
- [23] Alaev, L. B. (2019) Was there a community? *Religion and society in the East*, (3), pp. 70–84. <https://elibrary.ru/vrkwii>.
- [24] Popov, V. A. (2013) Community. *Great Russian Encyclopedia (hereinafter referred to as BRE)*. Moscow, T. 23.
- [25] Bauman, Z. (2001) *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. Cambridge, Polity Press, 168 p.
- [26] Bulakh, E. V. (2024) Territorial public self-government: experience of regions. *Socio-political sciences*, 14 (2), pp. 191–197. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-2-191-197>. <https://elibrary.ru/hppbro>.
- [27] Zborovsky, G. E. (2007) Man and everyday practices in the system of his lifestyle. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 3 (10), pp. 16–28. <https://elibrary.ru/kufixd>.
- [28] Koryakin, V. V. (2020) About two types of social community. *Social and humanities: theory and practice*, 1 (4), pp. 278–288. <https://elibrary.ru/qwjuhm>.
- [29] American sociological thought (1994): texts / under V.I. Dobrenkova. Moscow, Moscow State University Publ., 496 p.
- [30] Shkaratan, O. I., Sergeev, N. V. (2000) Real groups in the social structure of modern Russia. *Where is Russia going?.. Power, society, personality: Proceedings of the VII International Symposium, Moscow, January 17–18 2000*. Moscow, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, pp. 253–265. <https://elibrary.ru/jcjbva>.
- [31] Kostina, N. B. (2009) Theory of social community: traditions and innovations. *Bulletin of VEGU*, 4 (42), pp. 30–39. <https://elibrary.ru/kvgpon>.
- [32] Raffestin C. (1993) *Por uma Geografia do Poder*, Editora Ática S.A., São Paulo, Serie Temas, Vol. 29. Geografia e Política, 269 p.